

УДК 37.014.521:297

ВОЗРОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ ТАТАР-МУСУЛЬМАН В ВОЛГО-УРАЛЬСКОМ РЕГИОНЕ В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XX ВВ.

*А.Х. Махмутова, кандидат исторических наук,
доцент Казанского федерального университета*

Одной из ключевых проблем развития мировой истории во 2-й половине XVIII–XIX вв. являлись формирование наций, создание групп национальной элиты и общенациональных институтов, что было связано с началом Нового времени, с переходом от аграрного общества к индустриальному. Ему сопутствовал ряд обстоятельств культурно-духовного значения: развитие системы массового образования, появление интереса к истории, пробуждение национального сознания и т.д. Процесс формирования наций, начавшийся с эпохи Английской и Великой Французской революций, постепенно втягивал в себя и так называемые титульные народы, и народы, которые потеряли свою государственность, но в течение веков сохраняли свою этническую и религиозную идентичность, в частности, казанских татар-мусульман.

Потеря казанскими татарами государственности в 1552 г. и политика христианизации, проводимая Русским государством в дальнейшем, означали уничтожение не только материального, но и духовного богатства, а также лидирующих групп населения. Сильный удар пришелся на татар-мусульман в 30–40-е гг. XVIII в., когда насилие стало главным и единственным оружием миссионеров, государственной политикой в деле христианизации нерусских народов Поволжья и Сибири. «Более 150 лет

колониальной политики в отношении этих народов не смогли интегрировать их полностью в экономическое и духовное пространство России. ...Перспективы промышленного освоения природных богатств Урала и Сибири, планы дальнейших завоеваний Казахстана и Средней Азии, Крыма и Кавказа настоятельно требовали завершения духовной колонизации покоренных народов Поволжья. Особенно остро эта задача стояла в отношении татар-мусульман» [Ислаев, 1999, с.9].

Большая часть татарского населения, несмотря на гонения и политику христианизации, продолжала сохранять приверженность к традиционной для нее религии – исламу. Причиной этой стойкости были приспособленность сущности мусульманского учения к потребностям простого народа и выборность мулл, в отличие от православного духовенства [Хабутдинов, 2008, с.21]. Сила ислама заключалась не только в том, что основные массы татар оставались правоверными мусульманами в православном государстве, но и в том, что повседневная жизнь татарского населения регулировалась по законам шариата, а мусульманское духовенство, по необходимости заменившее светскую власть, пользовалось большим авторитетом. Мулле принадлежало бесспорное духовное лидерство в махалле (общине): он был не только самым образованным

религиозным авторитетом, но и судьей, и учителем, и даже, нередко, врачом-врачевателем в продолжавшем вынужденно жить замкнуто татарском обществе.

«Кроме того, русская православная церковь в исламе видела своего естественного конкурента, способного на равных бороться за свое влияние среди языческих народов... По логике миссионеров, уничтожение мечетей (видимо. — А.М.) должно было привести к уничтожению мусульманского духовенства, следовательно, и ислама. ...Законным основанием для тотального разрушения мечетей стал указ от 19 ноября 1742 года» [Ислаев, 1999, с.25–27]. В результате за короткий срок в Казани и уезде из 536 мечетей было разрушено 418, в Сибирской провинции — из 133 мечетей уничтожено 98, в Астраханской — из 40 — 29 мечетей [История..., 1937, с.152]. Так, Новокрещенская контора, созданная в 1831 г., нанесла основной удар по центрам духовности и просвещения татар — мечетям. Вместе с мечетями исчезали и учебные заведения при них, подвергались гонениям их руководители — муллы. Терялись предметность и традиции в обучении, выработанные мусульманской школой Поволжья, Приуралья и Сибири. Была разрушена складывавшаяся веками система образования, традиционная для Волжской Булгарии, Золотой Орды, Казанского ханства.

В условиях изоляции, разобщенности сельских мусульманских общин хранителями традиций народного ислама являлись абызы (абыз — искаженное от «хафиз» — чтец Корана наизусть, в XVIII в. так называли всех грамотных людей. — А.М.). Как указывается в татарской народной краеведческой литературе, народ впал в полное невежество. К.Бикколов в рукописной «Истории деревни Новые Тинчали», например, писал: «Русские власти рушили мечети, школы, убивали мулл и учителей, многих насильственно крестили и любыми способами старались изжить со свету. Русской властью им не давалась возможность учиться и просвещаться.

Законы ислама учили тайно, прячась в лесах» [Бикколов, л. 186].

Положение мусульман в России начало меняться с середины XVIII в. С 1756 г. в деревнях с мусульманским населением было разрешено строительство мечетей и школ при них [Хронологический..., с.315]. Российское правительство, особенно при Екатерине II, стало осознавать, что «татарское общество, функционирующее в основном на универсалистских связях ислама, оставалось довольно серьезным потенциальным очагом сепаратизма внутри России. Поэтому необходимо было выработать более эффективные, чем насильственная христианизация, механизмы вовлечения татарского общества в российскую государственную систему» [Мухаметшин, 2005, с.28].

Что же было сделано?

В 1764 г. была прекращена деятельность Новокрещенской конторы. В 1773 г. появился указ святейшего синода о терпимости всех вероисповеданий и запрещении вмешательства архиереев в дела иноверцев. Это означало, что открытые религиозные гонения прекращались. Менялся и статус ислама — из религии гонимой он превращался в религию терпимую. В 1776–1782 гг. татары получили право торговли по всей территории империи. В 1782 г. была учреждена Казанская татарская ратуша — орган самоуправления, появившийся затем и в Сеитовом посаде (близ Оренбурга). В 1784 г. татарские служилые князья и мурзы были уравнены в правах с православным дворянством. В 1785 г. был издан указ о построении школ и заведении караван-сараяв при мечетях. В 1787 г. вышло первое в мире печатное издание Корана. Наконец, в 1788 г. было создано Оренбургское магметанское духовное собрание, в чье ведение переходили все мусульмане империи (за исключением Таврической губернии), назначен муфтий как глава российских мусульман, а духовенство получило признанный государством статус указных мулл [Хронологический..., с.316–319].

Результатом реализации этой системы правительственных мер стали включение российских мусульман в структуру российской государственности и постепенное создание автономных структур мусульман под контролем правительства. Казань и Оренбург (Сеитов посад — Каргалы) стали превращаться в центры концентрации активных сил татарского общества. Укрепились купечество (буржуазия) и духовенство, т.е. возникли условия для формирования и стабильного развития новых групп, лидирующих в обществе. Стало возможным функционирование религиозных и образовательных учреждений, к этому времени почти полностью уничтоженных. С изменением статуса ислама в России в конце XVIII — начале XIX вв. началось интенсивное строительство мечетей и открытие при них школ, называемых медресе, на всех территориях, населенных татарами.

Медресе (с араб. — *место, где обучают*) — учебное заведение, возникшее в исламском мире еще в эпоху распространения ислама. Основным и нередко единственным предметом изучения в нем долгое время было мусульманское право. Постепенно к нему прибавились и другие предметы богословского и этико-правового плана. Весь комплекс наук ислама, входивший в программу медресе, установился в мусульманском мире еще в XII—XIV вв. и сохранялся почти без изменений вплоть до конца XIX в.

Поскольку за многие века преследований эта система образования у татар была разрушена, а единый центр, который мог бы направлять ее возрождение, отсутствовал, зачинатели этого дела должны были действовать по своему разумению, самостоятельно. Это значило, что они заимствовали те приемы и методы обучения и воспитания, которое получали у своих учителей в дальних мусульманских странах. Личность мударриса (учителя, создателя медресе) стала определяющей при возрождении системы образования. «Из-за отсутствия печатных произведений, гибели

рукописного наследия в бесконечных пожарах в селах у нас нет точных сведений о способах и приемах обучения во времена наших близких и далеких предков, — отмечал Р.Фахредин. — Лишь немного известно, что после исчезновения Казанского государства живущие в деревнях прадеды начали восстанавливать обучение сначала по типу дагестанских ученых, а позже заимствовали методы обучения у Бухары» [Фәхрединев, 1993, с.238].

В произведениях Ш.Марджани и Р.Фахредина приведены краткие сведения о нескольких мударрисах, перенесших в татарскую среду методы и приемы преподавания, перенятого ими в Дагестане, Бухаре и других местах. Так, Мухаммед ибн Гали ад-Дагстани (?—1796) в середине XVIII в. создал свое медресе в деревне Кондуровка близ Оренбурга (была основана в 1744 г. переселенными по указу императрицы Елизаветы Петровны астраханскими ногайцами), первым возродил обучение шакирдов арабскому языку. Это привлекло в медресе учеников со всего Волго-Уральского региона. Его учениками были ахун Каргалы, первый муфтий Мухаммеджан б. Хусаин (1758—1824); мударрис каргалинского медресе под Оренбургом, суфийский шейх, поэт Валид б. Мухаммедамин ал-Кайбычи ал-Каргали (1753—1802); религиозный деятель, педагог Абдрахман б. Мухаммедшариф ал-Кирмани (1743—1826) и др.

По образцу и подобию работы своего учителя, иногда усовершенствовав знания в священной Бухаре, они создавали свои медресе, воспитывая новых учеников и посылая лучших из них совершенствовать знания в ту же Бухару. Так восстанавливалась почти оборвавшаяся цепочка мусульманского образования у татар. Ш.Марджани и Р.Фахредин подчеркивали, что эти и другие мударрисы внесли немалый вклад в возрождение и становление классического мусульманского образования в Поволжье и Приуралье, особенно в передаче знаний по праву, хадисоведению, ри-

торике, арабскому языку [Мәржани, 1989, с.243–244; Фәхредин, 2006, с.19, 53–54, 75 и др.].

Обучавшиеся в Бухаре будущие муэдари перенимали не только религиозные образцы и образовательные нововведения, но и формальные стороны бухарского образа жизни. «Исламизация в той или иной степени затронула все стороны жизнедеятельности татар. Ш.Марджани утверждает, что повседневные шариатские нормы в умме укрепились стараниями отдельных выпускников среднеазиатских медресе» [Загидуллин, 2008, с.165]. В частности, с личностью муллы Ибрагима бине Худжаши, более 10 лет набравшегося знаний в Дагестане и учебных центрах Среднего и Ближнего Востока, вернувшегося в родные края в 1783 г. и ставшего в 1793 г. имамом 1-й мечети Казани, Ш.Марджани связывает введение ряда новшеств в повседневную культуру городских мусульман [Мәржани, 1989, с.266–269].

Необходимо отметить и особое влияние бухарской системы обучения с ее схоластикой и догматикой. «Основным достоинством культурного среднеазиатского влияния стало возвращение татар к схоластической исламской традиции. На место народного ислама абызов пришел ислам схоластический. По словам Эрвина Панофского, суть схоластики определяется «постулатом разъяснения ради самого разъяснения». В 1908 г. Р.Фахретдин постулировал, что схоластика ведет к стагнации и гибели использующих ее народов» [Хабутдинов, 2008, с.35].

Определить дату основания и продолжительность существования многих медресе, возникших во второй половине XVIII – начале XIX вв., как и их общее количество, почти невозможно. Это объяснялось не только отсутствием в стране сбора статистических данных, но и тем, что медресе основывались частными лицами (муллами) или приходским обществом как училища при мечетях, нигде не регистрировались и работали автономно. Как правило, медресе носи-

ло имя муллы, а не места, где оно возникло. Продолжительность существования медресе и объем преподавания напрямую зависели от муллы. Если ему суждено было долго жить и работать на одном месте, то и его медресе могло прославить эту местность. Если же ему приходилось скитаться (это на рубеже веков происходило, по разным причинам, довольно часто), а продолжателей его дела на прежнем месте не оставалось, то и медресе там исчезало (правда, оно появлялось на новом месте).

Например, Ибрагим б. Габдулла ан-Нукратый (?–1780), ученик известного муэдари и суфия 1-й половины XVIII в. Муртазы Гали б. Куллугуш ас-Симети, получившего, в свою очередь, образование в Дагестане, преподавал (имел медресе) во многих селах. Ссылаясь на записи в конце книг, переписанных его учениками, Ш.Марджани указывает, что в 1753 г. его медресе находилось в д.Хасаншаех, в 1764 г. – в д.Ташкичу, в 1768 г. – в д.Казаклар, в 1771 г. – в д.Шашы, в 1772 г. – в д.Урбар Казанского у. Ибрагим-хазрат стал знаменит как познаниями в мусульманских науках, так и большим числом учеников (среди них был и дед Ш.Марджани Субхан-хазрат) [Мәржани, 1989, с.241]. Отсутствие других источников не позволяет определить, сохранились ли медресе в оставленных муэдариом селах.

Сбор официальных сведений о мусульманских мечетях и школах начался после образования Министерства народного просвещения (МНП) в начале XIX в., но давался он чиновникам с большим трудом из-за недоверчивости и скрытности татарского населения. Поэтому первые сведения о мусульманских школах России носили случайный характер и не охватывали всей совокупности этих училищ.

Так, в «Известии о татарских училищах Оренбургской губернии» (по данным МНП), опубликованном в № 21 за 1811 г. «Вестника Европы», сообщалось о школах Сеитова посада (Каргалей) под Оренбургом: «При всякой мечети (а их было 7 каменных и 2 деревян-

ных. — М.А.) находится особое татарское училище, частью в покоех внизу мечетей и частью в особливых строениях. Заведение училищ началось за 30 лет до сего. Учащиеся суть ученые ахуны и муллы и отчасти частные люди; а учащиеся кроме тамошних жителей бывают и приезжие из других стран России, и даже из Хивы, Бухарии и других азийских княжеств. В училищах обучаются татарской азбуке, арабскому языку во всем пространстве и персидскому, арифметике, геометрии, основаниям физики, философии по творениям Аристотелевым, священной истории магометанской, чтению и толкованию Алкорана и познанию священных обрядов магометанских». Отмечалось также, что обучение ведется по рукописным книгам, получаемым в основном из Бухары, что в каждом из лучших училищ обучается до 150 человек.

Краткое описание пяти казанских медресе имеется в рапорте старшего учителя Казанского главного народного училища А.Пятова, представленном в училищный комитет Казанского университета 15 мая 1816 г. «Все казанские татарские училища получили начало свое одинаковым образом, — объясняется в нем. — Какой-нибудь богатый татарин из любви к наукам, а чаще по обещанию, отдает под училище свой дом, приходской мулла обыкновенно из усердия принимает на себя добровольно звание учителя, молодые магометане, узнав о сем, изъявляют желание учиться — и таким образом является училище. Оные содержатся добровольными пожертвованиями или иждивением учеников, из коих одни живут в своих домах, а другие, беднейшие, квартируют в самом училищном доме, где исправляют нередко должность сторожей» [НА РТ, ф.977, оп.Совет, д.318, л.9].

А.Пятов также подчеркивал отсутствие в казанских медресе каких-либо правил, установлений, свидетельствующих о систематическом образе обучения. «Все образование в сих училищах заключается в изучении чтению и письму языков турецкого, арабского и

персидского, в познании магометанского закона, а в некоторых училищах преподаются: часть математики, землемерие, астрология, логика, философия, грамматика, риторика, нравоучение и правила произношения Корана, — отмечал он. — Вообще муллы-учителя следуют при обучении старинным своим обыкновениям. Впрочем, возможно ли ожидать от них чего-либо большего? Воспитанные в кругу необразованных своих братий, не имея тесных сношений с россиянами, кроме одной торговли, худо зная российский язык и будучи, следовательно, лишены средств достигнуть надлежащей степени образования, они довольствуются токмо еще в древние времена на их языке вышедшими книгами. Но и они поелику ходят между ними в рукописях, то у редкого можно найти их, кроме одного Корана. Но что магометане имеют ревность заниматься науками, тому служат доказательством добровольно учрежденные ими училища и нередко предпринимаемые ими путешествия в Бухарию и другие места» [Там же, л.9].

Из документа следует, что медресе возникали по инициативе самого татарского населения, чаще всего представителей купечества и духовенства, содержались за его же счет. Никакого разрешения на открытие школы не требовалось, так как по издревле введенным канонам шариата обучение нормам и правилам шариата входило в обязанности муллы. Обучение же велось в том объеме, каким обладал мулла-учитель, и по тем книгам, которые у него имелись (как правило, переписанным им во время своей учебы). Переписывание различных книг, необходимых для дальнейшей работы, было частью обучения и требовало от шакирда большого усердия. В конце таких рукописных книг, как правило, указывалось, когда, кем и в медресе какого мударриса книга была переписана. Этими сведениями широко пользовались Ш.Марджани, Р.Фахредин и другие историки прошлого. Изучение сведений в рукописных книгах, дошедших до

наших дней, при отсутствии официальных статистических данных помогает и современным ученым-исследователям восстанавливать картину существования татарско-мусульманских учебных заведений, имена их создателей, предметы обучения и т.д.

В ведомости за 1831 г. об учебных заведениях Казанской губ., не подведомственных МНП, перечислены 14 магометанских училищ с указанием года открытия, количества учителей и учащихся. Из этих училищ 5 находились в Казани, 7 – в Мамадышском, 2 – в Чистопольском уездах. Шесть училищ были открыты во 2-й половине XVIII в., остальные – в 1-й четверти XIX в. Медресе в Богатых Сабах (40 учеников) существовало на счет крестьянина Биктемира Абдрахимова с 1760 г., в 1-й махалле Казани – на счет населения с 1780 г. (32 ученика), в Малых Сунях с 1780 г. (41 ученик), в Куюках – на счет казанского купца Апанаева – с 1782 г. (76 учеников), в Сатышеве – с 1792 г., во 2-й махалле Старотатарской слободы – на счет казанского купца Габидуллы Рыдина с 1798 г. Во всех училищах преподавались чтение и письмо татарское, арабское и турецкое, Коран, афтияк и сочинение Мухаммеда Пиргули (1538–1573) об исламе и его обрядах «Пиргули китабы» [НА РТ, ф.160, д.33, л.8–41].

В этот список не включены все имевшиеся в то время в Казанской губ. школы. Вывод о наличии большого числа татарских школ можно сделать исходя, например, из рапорта штатного смотрителя Лаишевского уездного училища: «Во вверенном мне уезде никаких учебных заведений не находится, кроме одних только магометанских школ при мечетях в каждом почти селении, где обучаются муллами дети магометан чтению и письму на татарском языке» [НА РТ, ф.160, д.33, л.14]. Из рапорта следует, таким образом, что школы при мечетях официальными лицами даже не воспринимались как учебные заведения.

Исследователь быта и нравов татарского населения первой половины XIX в. Карл Фукс подчеркивал: «Вся-

кому заезжому, без сомнения, странно покажется найти в казанских татарах, говоря вообще, народ более образованный, нежели некоторые, даже европейские. Татарин, не умеющий читать и писать, презирается своими земляками и, как гражданин, не пользуется уважением других. Посему-то всякий отец старается как можно ранее записать детей своих в училище, где бы они выучились по крайней мере читать, писать и узнали бы начала своей религии. Для споспешествования сему при каждой мечети полагается училище, состоящее под особенным надзором ахуна; мулла мечети здесь учитель, ежедневно занимающийся обучением всем этим предметам. ... Дети поступают в училище на 7-м или 8-м году своего возраста; курс их учения продолжается по меньшей мере 5 лет. Те же, кои посвящают себя наукам, т.е. желают со временем сделаться священнослужителями или учителями, остаются в школе гораздо долее» [Фукс, 2005, с.212–213].

К.Фукс обратил внимание и на образование женщин: «Женский пол у казанских татар получает равным образом известную степень образования, и между татарками мало найдется таких, кои бы не умели надлежащим образом читать и писать. Они учатся у жены муллы...» [Фукс, 2005, с.215]. Ученый не приводит статистические данные о количестве школ, но его сведения свидетельствуют о том, насколько распространена была грамотность у казанских татар, и служат подтверждением того, что система татарско-мусульманского образования полностью восстановилась.

Более полные сведения относятся уже к середине века. Это данные ОМДС, представленные религиозным управлением в департамент духовных дел инославных исповеданий Министерства внутренних дел: в его ведении на 1.01.1856 г. находилось 1729858 жителей обоего пола, 3478 мечетей, 934 медресе и мектебов, 5607 духовных лиц (из них 260 мударрисов) [РГИА, ф.821, оп.8, д.1093, л.1–7].

Ведомость о мечетях, медресе, духовенстве и прихожанах ОМДС к 1 января 1856 г.

Губернии	Мечетей	Медресе	Духовенства		Жителей обоего пола
			всего	из них мударрисов	
Оренбургская	1695	418	3226	90	788585
Казанская	682	125	944	88	365221
Симбирская	129	50	216	21	76233
Вятская	123	33	124	14	64559
Рязанская	10	9	19	—	5189
Астраханская	69	24	121	7	35882
Нижегородская	36	28	95	5	28148
Саратовская	131	49	182	1	55489
Пензенская	84	45	121	3	46560
Тамбовская	22	16	43	8	14880
Пермская	151	38	229	8	63985
Московская	1	1	3	—	180
Костромская	1	1	2	—	283
Тобольская	101	36	122	3	37580
Томская	35	14	33	3	16936
Иркутская	2	—	1	—	517
Самарская	204	47	364	9	129016
Войска Донского	2	—	3	—	589
Итого:	3478	934	5607	260	1729858

Итак, постепенно установившийся к середине XIX в. порядок получения образования у татар во многом копировал бухарскую систему обучения. Принятие казанскими татарами в качестве образца среднеазиатской системы обучения и воспитания, по-видимому, можно объяснить как внутри-, так и внешнеполитическими причинами. Если Кавказская война (1817–1864) закрыла пути для получения образования на Кавказе даже для редких искателей знаний на чужбине, то усиление в конце XVIII – первой половине XIX вв. торгово-экономических и дипломатических связей со среднеазиатскими государствами, в установлении и развитии которых активную роль играли татары-мусульмане, открыло дорогу в Бухару молодежи, стремящейся к знаниям.

Суть этого обучения была такова. Каждый мулла, получивший от общества приговор на вступление в должность, вместе с тем брал на себя и обя-

зательство обучать мальчиков основам ислама. Он занимался с ними или у себя дома, или в отдельном помещении при мечети. Кстати, тогда еще не было четкого разделения татарских школ на мектебы (начальные школы) и медресе (средние и высшие школы), установившегося только на рубеже XIX–XX вв. Школы, независимо от уровня обучения, имели одно название – медресе, что означало «место, где обучаются», хотя слово «мектеб» (место, где пишут) тоже употреблялось [Махмутова, 1982, с.13].

Обучение могло состоять из нескольких этапов. Сначала мальчики (как правило, с 5–8 лет) знакомились с азбукой, обучались чтению, а иногда и письму, овладевали элементарными религиозными навыками. Обучение начиналось с освоения азов сложного арабского алфавита (сложность заключалась, прежде всего, в том, что 29 букв алфавита имели по несколько начерта-

ний, общее число которых доходило до 118, количество гласных было недостаточным, для их обозначения применялись особые знаки; обучение велось на незнакомом языке и т.д.).

Усвоив механизм буквосложения (а на это могло уйти и два-три года, и пять и более лет в зависимости от заинтересованности и способностей ученика и учителя), ученики приступали к чтению религиозно-дидактических произведений типа «Иман шарты» («Условия веры») и «Хафтияк» («Седьмая часть Корана»). Обучение было индивидуальным: «Каждый ученик проходит курс учения совершенно отдельно от других учеников, имея ежедневно свой урок, отличный от урока, заучиваемого учеником, рядом с ним сидящим. Заданные учителем уроки ученики учат вслух, громко, как бы стараясь перекрыть один другого. В школе стоит гул, в котором трудно разобрать отдельные звуки» [РГИА, ф.821, оп.150, д.420, л.9 об.]. Поскольку такой метод не позволял одновременно работать со всеми учащимися, учитель-мулла назначал себе помощников из старших учеников, которые назывались «хальфа».

Первоначальное обучение было почти обязательным и для муллы, и для родителей мальчиков, каким бы ни было их финансовое положение. Дальнейшее зависело от желания и способностей как мальчиков и их родителей, так и муллы. Если мулла обладал познаниями и желанием иметь учеников (надо сказать, что звание мударриса придавало мулле дополнительный авторитет), то он получал в Духовном управлении свидетельство на звание мударриса и собирал шакирдов, что и значило — открыть медресе. При этом ни особых помещений, ни школьного оборудования, ничего, что означает современное понимание этого шага, не требовалось. Преодолевшие трудности начального обучения и проявившие способности мальчики, если позволяли возможности родителей, продолжали обучение в этом или переходили в близлежащее медресе.

Крупнейшим центром комплексного религиозного образования татар в последней трети XVIII — первой трети XIX вв. стали каргалинские медресе в Оренбуржье. Ш.Марджани и Р.Фахреддин, давая характеристики известным татарам, жившим в то время, также называют около ста медресе, где эти лица получали образование или сами основывали эти училища. Татарские медресе, как правило, возникали в отдаленных от губернских центров торговых селениях, где контроль властей был слабее. Известно, например, о существовании в XVIII в. медресе в селах Адаево, Береске, Буби, Кариле (Карелино), Кшкар, Мачкара, Ор (Ура), Симетбаш, Ташкичу, Тюнтер и других в Заказанье, Овечий Овраг на Нижегородчине, Тайсуганово и Стерлибаш в Закамье и др.

Так, в конце XVIII — первой половине XIX вв. одним из самых знаменитых стало медресе в д.Мачкара Казанской губ., «золотой век» которого был связан с именами мударрисов — Мухаммад-Рахима б. Йусуфа ал-Ашыты (ум. в 1818 г.) и Габдуллы б. Яхья ал-Чиртуши (ум. в 1858 г.), а также купца 1-й гильдии Габдуллы Утямышева (ум. в 1832 г.), материально обеспечившего процветание медресе родной деревни.

М.-Р. ал-Ашыты первоначальное образование получил в медресе своего отца, имама и мударриса Йусуфа бине Габдулкарима, в течение трех лет помогал ему обучать шакирдов. Затем в поисках знаний отправился в Дагестан, где учился десять лет у известных для своего времени ученых. Вернувшегося на родину в начале 1780-х гг. М.-Р. ал-Ашыты пригласили имамом и мударрисом содержатели мечети и медресе в с.Мачкара купцы Утямышевы. Слава о его учености привлекла в Мачкару многих стремившихся к знаниям юношей со всего Волго-Уральского региона. Почти все они впоследствии основали свои медресе и стали известными мударрисами. Его учениками были ученый-реформатор Габденасыр ал-Курсави, имамы и мударрисы медресе Мачкара

Габдулла ал-Чиртуши, медресе Кышкар Якуб б. Яхья ад-Дубьязи, медресе Хусна дед Ш.Марджани Субхан ал-Марджани, основатель династии мударрисов Стерлибашского медресе Нигматулла б. Биктимер Тукаев, основатель рода имамов и мударрисов Амирхановых, прадед писателя Ф.Амирхана Амирхан ат-Талкыши и другие [Мәржани, 1989, с.263–264; Фәхреддин, 2006, с.83–84].

Другой мударрис медресе Мачкара Габдулла б. Яхья ал-Чиртуши, родом из Чистопольского уезда, учился у мударриса М.-Р. ал-Ашыты, затем в Бухаре. Вернувшись в конце 1812 г. в Мачкару, он женился на дочери учителя и в течение шести лет помогал своему учителю и тестю. С 1818 г. руководство приходом и медресе полностью перешло к нему. По словам Ш.Марджани, он более сорока лет проработал в Мачкаре, был самым известным из мударрисов своего времени, имел много учеников, ставших мударрисами. Среди них известны Мухамедкарим ат-Таканыши, Габдували ан-Нурмави, Ярулла ас-Сатыши, Нигматулла Буби и др. [Мәржани, 1989, с.319–321]. Во второй и третьей четверти XIX в. выпускники медресе Мачкара возглавляли ключевые приходы Казани при Апанаевской, Бунаевской, Галеевской, Сенной, Розовой мечетях [Хабутдинов, 2009, с.44].

В Оренбургской губернии в конце XVIII – первой половине XIX в. приобрело известность Стерлибашское медресе, основанное в 1720 г. [Тукаев, 1899, с.5]. Расцвет его связан с деятельностью династии имамов и мударрисов Тукаевых – Нигматуллы-хазрата (1772–1844), его сыновей Хариса (1810–1870) и Харраса (1814–1871), внука Хабибуллы (1856–1897), сына Хариса. Нигматулла б. Биктимер Тукаев ас-Стерлибаши (его дед Тукай б. Урманай перебрался на башкирские земли из д. Салавыч Малмыжского уезда), получив богословское образование в медресе Казани и Мачкары, отправился искать основательных знаний в Бухару. Там он стал учеником и последователем знаменитого суфия Ниязкули-ишана ат-

Туркмани. Получив от него сан шейха, Нигматулла-ишан вернулся на родину, возглавил мечеть и медресе в Стерлибаше. Ш.Марджани отмечал: «Мир его был широк, учеников много. В своем краю приобрел чрезвычайно великую славу. Был защитником взглядов меллы Габдунасыра ал-Курсави и его другом. В своем медресе возбудил интерес к нему» [Мәржани, 1989, с.245–246]. При мударрисе Нигматулле, писал Р.Фохреддин, медресе в Стерлибаше «достигло уровня высшего учебного заведения» [Фәхреддин, 1906, с.78].

Расширению сети мусульманских школ, безусловно, способствовала смена политики правительства. Государственное признание ислама, организация Духовного собрания, широкое строительство мечетей привели к росту спроса на кадры культовых служителей. Это, в свою очередь, благоприятствовало открытию все новых учебных заведений, упорядочению учебного дела. Укреплению мусульманской системы образования и подъему религиозного самосознания татар послужило и расширение книгопечатания на восточных языках. Львиную долю книжной продукции «Азиатской типографии», в 1802 г. переведенной из Петербурга в Казань, составляли Коран и учебные книги, издаваемые по заказу татарских издателей. Так, с 1801 по 1829 г. было издано 93 названия книг с условным общим тиражом в 280 тысяч экземпляров. Коран и его суры были изданы 25 раз (тираж установленных 15 изданий составил 43175 экземпляров), «Афтияк» (седьмая часть Корана) – 17 раз (тираж установленных 8 изданий – 21300 экземпляров), азбука («Иман шарты») – 16 раз (тираж установленных 11 изданий – 52700 экземпляров), «Пиргули китабы» – 8 раз (тираж установленных 4 изданий – 8400 экземпляров) и т.д.

Превращение ислама и его институтов в часть государственной системы основывалось на целом ряде государственных актов. Духовное собрание должно было следить за тем, чтобы школы существовали только при мече-

тях, а руководителями их были «в верности надежные и доброго поведения» муллы, утверждаемые в этом звании местной администрацией [История, 1937, с.348–349]. Государственные органы почти официально передали дело образования мусульман в руки мулл, подчиненных Духовному собранию, намереваясь, таким образом, направлять деятельность учебных заведений в желаемое русло.

Восстановление системы образования и науки привело к неожиданным для правительства результатам: «Интенсивное строительство мечетей и открытие при них мектебов и медресе в конце XVIII – начале XIX вв. татары использовали для создания независимой от официальной идеологии системы народного образования» [Мухаметшин, 2005, с.29].

Превращение институтов ислама в часть государственной системы, деятельность Оренбургского магометанского духовного собрания (ОМДС), направленная на централизацию и контроль над кадровым составом духовенства практически повсюду, где компактно проживали татары-мусульмане, способствовали восстановлению традиционной системы мусульманского образования. Одна из целей организации ОМДС состояла в установлении политического контроля государства над мусульманским населением, в том числе и над его учебными заведениями. С середины XIX в. ОМДС стало доставлять в Министерство внутренних дел сведения о находящихся в его ведомстве духов-

ных учреждениях и духовенстве. В условиях, когда статистика в России только зарождалась, эта информация, хотя не отличавшаяся систематичностью, точностью, регулярностью и полнотой, позволяла составить приблизительную картину о количестве мусульман и их учреждений в стране (табл. 2).

Итак, к середине 60-х гг. XIX в. в России существовало более полутора тысяч медресе, подведомственных ОМДС, которые представляли собой типичные школы ислама. Формы их организации определялись вполне сложившимися к тому времени религиозными традициями, что делало их похожими на аналогичные учебные заведения мусульманского мира. «Еще 25 лет назад, входя в мектеб или медресе в Алжире, Константинополе или Бруссе, я чувствовал себя как бы перенесенным в Приволжские местности: до такой степени общая картина была тождественна», – отмечал в 1913 г. знаток мусульманской школы, чиновник МНП Н.А.Бобровников [Бобровников, 1913, № 6, с.228].

Каждый мулла на практике был правоспособным учителем. При вступлении в должность он давал сельскому сходу обещание не только исполнять религиозные обряды, но и обучать детей арабской грамоте и основам вероучения. Занятия проводились или в специальном помещении при мечети, или дома у муллы-учителя. «Обычно прихожане строго контролировали отношение мулл к школьному делу и в случае халатности, уклонения от деятельности

Таблица 2

Сведения о мечетях, медресе, духовенстве и прихожанах, подведомственных ОМДС¹

Годы	Мечети	Медресе	Духовенство	Прихожане
1859	3559	1034		1800966
1860	4525	1075	6188	1838218
1862	3591	1404	6326	1854909
1863	3591	1404	6326	1854909
1864	3550	1569	6096	2074182
1865	3550	1569	6096	2074182
1868	4052	1396	6513	2104190

по распространению книжного слова сигнализировали в Духовное собрание, даже выносили приговоры об избрании общине другого духовного руководителя» [Фархшатов, 1994, с.55].

Являясь частными или общественными учебными заведениями при мечетях, мектебы и медресе не имели официально утвержденных программ и уставов. За редким исключением в этих школах не было единого определенного курса учения. Каждый мулла-учитель учил тому, что знал сам, и так, как учили его самого. «Время прохождения курса в мектебе не определено, и каких-либо подразделений на классы не существует; периоды же при обучении считаются от времени усвоения одной книги, например «Иман-Шарт» («Условия веры». — А.М.), до перехода к изучению другой, например, «Хафтияк» (седьмая часть Корана. — А.М.) — это равносильно переходу из класса в класс» [РГИА, ф.733, оп.173, д.102, л.225]. Продолжительность учения зависела не только от учителя, но и от успехов и возможностей каждого ученика: «При старании ученики могут пройти весь курс мектеба и медресе в 10 лет, но обыкновенно на это требуется больший срок» [РГИА, ф.821, оп.150, д.420, л.9 об.].

Государство, а также городские и земские органы не финансировали мусульманские школы. Однако учреждение школы у татар считалось богоугодным делом, поэтому в ее материальном обеспечении участвовали различные социальные силы. Активное участие в содержании ряда медресе принимало купечество. Такие школы, как правило, имели по несколько зданий, жилые и учебные комнаты были отделены друг от друга. Так, например, одно из наиболее успешных в середине XIX в. Стерлибашское медресе в Уфимской губ. помещалось в 25 домах. Во второй половине XIX в. по несколько помещений имели уже медресе Усмания и Марджания в Казани, Хусания в Оренбурге, Буби в Вятской губ., Абдулвагапова в Чистополе и др. [Махмутова, 1982, с.20–21]. Но традиционная форма содержания боль-

шинства мектебов и медресе исключительно за счет приношений прихожан обеспечивала им только скудное существование.

Основная масса школ размещалась в зданиях, не отвечавших санитарно-гигиеническим требованиям. Директор народных училищ Казанской губ. в представлении на имя попечителя Казанского учебного округа от 19 декабря 1891 г. отмечал: «Значительное число мектебов и медресе помещается в домах местных мулл, и только сравнительно немногие из них — в особых общественных домах или наемных квартирах. В этих помещениях очень тесно, поэтому учащиеся умываются и совершают намаз на открытом воздухе и зимой, и летом, в мороз и ветер, отчего в этих школах бывает много больных, которые остаются лежать между здоровыми детьми» [НА РТ, ф.92, оп.1, д.19380, л.34–35].

Дополняли общую картину инспектор народных училищ Астраханской губ.: «Вдобавок ко всему этому мусульманские школы лишены всяких признаков обычной школьной обстановки: нет ни столов какой бы то ни было формы, ни сидений. Все ученики проводят учебное время, стоя на коленях на полу; так они читают, держа книги перед глазами, так пишут, кладя тетрадь, а в большинстве какой-либо лоскут бумаги, на одно колено, у очень редких разве имеется маленький, низкий сундучок» и директор народных училищ Вятской губ.: «Помещаются мектебы главным образом в кухнях местных мулл и иногда в скотных избах (как в деревне Сарсаз) при самых неблагоприятных гигиенических условиях» [НА РТ, ф.92, оп.1, д.19380, л.22, 40 об.].

Однако традиционная форма народной поддержки позволяла иметь школы даже в самых бедных деревнях. В условиях царской России это была единственно возможная форма существования у татар сотен учебных заведений. Как указывал Р.Фахреддин, если во второй половине XIX в. школы первоначального обучения — мектебы — име-

лись практически в каждом приходе, то одно медресе приходилось на 30–40, а иногда и на 100 приходо́в. Руководили ими и обучали шакирдов известные своей ученостью муэдари́сы. Шакирды же собирались отовсюду и жили в тех же зданиях медресе, где и учились [Фәхрединев, 1993, б.239].

Большинство сельских школ были малочисленными. Так, на основе сведений о численности учащихся в 441 мусульманской школе Уфимской и Оренбургской губерний установлено, что «в 1867–1868 гг. наибольшую группу (144 школы, или 30,9 %, в Уфимской губ. и 33,5 % в Оренбургской губ.) составляли школы, имевшие от 11 до 20 учащихся. Свыше 100 учащихся имели всего 10 школ. В среднем на одну школу в Уфимской губ. приходилось 35,4, в Оренбургской – 20,5 учащихся» [Фархшатов, 1994, с.64]. Так обстояло дело не только в сельских, но и в городских медресе. В семи медресе Казани, например, в 1869 г. числилось всего 387 учеников, причем только в одном – Мустакимовском – обучалось 100 мальчиков [Медресе..., 2007, с.23].

Численность учащихся в школах зависела от уровня учености и популярности мулл, которые их возглавляли, а также от материального обеспечения медресе. Поэтому по мере увеличения числа школ и количества учеников в них, наряду со школами, едва насчитывавшими десять учеников, были медресе, где обучалось по несколько сотен шакирдов. Например, в конце XIX в. в казанских медресе – Апанаевском (Приозерном), Багаутдиновском (Марджания), Галеевском (Мухаммадия) – обучалось от 150 до 400 шакирдов в каждом [РГИА, ф.733, оп.173, д.102, л.234]. В Стерлибашевском медресе Уфимской губ. в 1860–80-х гг. стабильно обучалось по 500–600 учеников, а в Стерлитамакском – от 200 до 600 [Фархшатов, 1994, с.59, 60]. Возраст учеников в мусульманских училищах также значительно отличался: в мектебах – от 5–6 лет до 16, а в медресе – от 10–11 до 30 лет (иногда и выше) [Махмутова, 1982, л.16].

Учебный год в мусульманских учебных заведениях, как правило, начинался в сентябре-октябре, после окончания осенних уборочных работ, и заканчивался перед весенними полевыми работами в апреле. Но были медресе, где шакирды брали уроки круглый год. Учебный день распределялся следующим образом: «Ученики собираются в школы часов в 7–8 утра, смотря по времени года, и учатся до 2–3 часов дня, с часовым перерывом около 12 часов. Впрочем, в мектебе самые маленькие ученики нередко в 12 часов совсем отпускаются домой, а старшие обязательно продолжают учиться и после перерыва до 2–3 часов дня. Что касается медресе, то в них ученики собираются, кроме того, для занятий и в вечерние часы» [РГИА, ф.821, оп.150, д.420, л.5].

В основе образования и воспитания татар лежала задача подготовки верного мусульманина, живущего по законам шариата. «Масса татарского населения ...находится еще на той стадии культурного развития, когда религиозное настроение проникает и направляет весь быт народа, когда вопросы веры преобладают над всеми другими, – отмечал в начале XX в. директор народных училищ Казанской губ. М.Н.Пинегин. – ...Учиться и изучать религию у татар сливается в одно понятие и обозначается даже одним словом. И потому смысл учения татарская масса до последнего времени понимала только в обучении религии» [РГИА, ф.821, оп.8, д.801, л.45об.].

В деятельности мусульманских школ, независимо от места их расположения, было много общего, обусловленного традициями. «Во всех мусульманских школах в той или иной степени с небольшими изменениями изучался определенный ряд наук или, по крайней мере, отделы из этих наук» [Коблов, 1916, с.15]. Обучение могло состоять из нескольких этапов. По мере восстановления системы образования и, особенно, с появлением новометодных школ постепенно утвердилось разделение мусульманской школы на

низшую — мектеб и высшую — медресе, хотя эти названия могли употребляться применительно к одному и тому же учебному заведению.

Организация учебно-воспитательной деятельности школы определялась ее целью. Конечная цель мусульманского училища — «научить мусульманских детей чтению и письму, познакомить их с установками ислама, воспитать их в доброй нравственности и указать им путь к достижению благополучия земного и небесного и тем содействовать миру и покою государства» [РГИА, ф.821, оп.133, д.466, л.57]. В соответствии с этой целью учебный курс мектеба предусматривал овладение арабской грамотой (на что уходил год и более), чтение и письмо на языке турки, основы вероучения и начальные сведения по арифметике. Овладев достаточно сложным механизмом буквосложения, мальчики приступали к чтению религиозно-дидактических произведений на языке турки: «Ахыр заман китабы» («Книга о светопреставлении») С.Бакыргани (ум. в 1186 г.), «Кыйсса-и Юсуф» («Сказание о Юсуфе») Кул Гали (конец XII — начало XIII вв.), «Мухаммадия» («Посвящение пророку Мухаммаду») М.Челеби (ум. в 1451 г.), «Рисалия-и Газиза» («Рассказ о Газизе») Т.Ялчыгулова (1768—1838), «Бадавам» («Постоянно повторяй») и «Кисекбаш китабы» («Книга об отсеченной голове») неизвестных авторов и др. [Татар әдәбияты ..., бб.115—157, 273, 282, 443—452].

Изучение этих книг играло важную роль в религиозно-нравственном воспитании учащихся: в форме диалогов, анекдотов, красочно и живо описанных сцен учащимся исподволь внушались идеи и доктрины ислама. В то же время, знакомясь с лучшими образцами мусульманской назидательной литературы, школьники получали некоторые сведения по истории, географии, этике, эстетике, что способствовало их умственному развитию. Чтением нескольких произведений татарской и восточной литературы для большинства детей обучение в мектебе заканчивалось. На-

выки чтения и письма, полученные таким образом, не находя применения в обыденной жизни, после завершения учебы постепенно утрачивались. И хотя фактически первоначальное обучение проходило абсолютное большинство детей, повсеместно взрослое население постепенно переходило в разряд неграмотных.

Лишь немногие мектебы, расположенные в крупных селах и городах, имели второе отделение (как правило, трехгодичное), где преподавались начала арабского языка, мусульманской этики и права. Такие отделения являлись своего рода подготовительными для медресе.

Медресе представляло собой повышенную школу и преследовало цель «подготовить муэдзинов, имамов, хатыпов, факихов, галимов, мугаллимов, мударрисов, казиев и муфтиев, которые были бы вполне знакомы как с требованиями времени, так и с науками веры и жизни, чтобы иметь возможность указать к оным пути и другим» [РГИА, ф.821, оп.133, д.466, л.57 об.], т.е. это были духовные учебные заведения, призванные готовить богословов, знатоков мусульманского права и духовных руководителей мусульман. Правительственные чиновники сравнивали лучшие медресе с русскими духовными семинариями и академиями [РГИА, ф.821, оп.8, д.785, л.5 об.; ф.733, оп.170, д.263, л.303 об.; НА РТ, ф.92, оп.1, д.10464, л.17].

Как и повсеместно у мусульман, комплекс изучаемых в татарских медресе наук традиционно делился на две группы. Первую составляли науки «шаргия», т.е. дисциплины, связанные с изучением шариата, или, иначе, «наклия», т.е. основанные на предании. Вторую группу составляли науки умственные — «гаклия». Они, в свою очередь, делились на «арабия», связанные с изучением арабского языка, и «хикмия» — науки так называемой «человеческой мудрости», т.е. философские [Валидов, 1998, с.35].

Изучение всех этих наук велось по определенной схеме, на базе не-

изменного в течение веков комплекса учебных пособий, по определению Дж.Валиди, «получивших чуть ли не авторитет Корана». Каждый такой учебник «состоял из собрания нескольких книг, но не отдельных, а параллельных или концентрических. Это вытекало из своеобразной, так сказать, средневековой системы составления книг. Дело в том, что какой-нибудь ученый-специалист составлял одну какую-либо книжку, излагая в кратких чертах основные положения своей науки, потом последователи этого ученого, со своей стороны, писали к ней свои комментарии. Первое из этих сочинений называлось по-арабски «матен» (конспект), а второе — «шарх», т.е. комментарий. Комментарий сам по себе не составляет самостоятельной книги, он тесно связан с матеном» [Там же].

Иногда «шарх» имел свой комментарий — «шархи-шарх» либо «хашия» — толкование избранных мест первых двух сочинений. «Таким образом, коротенький матен, состоящий из каких-нибудь десяти страниц, может расширяться со всевозможными комментариями до многотомной книги» [Там же]. Предполагалось, что в стенах медресе шакирды должны изучать, т.е. практически заучивать наизусть, основные сочинения с несколькими главными его комментариями, а остальные толкования осваивать самостоятельно².

Курс обучения в медресе начинался с изучения морфологии, грамматики и лексики арабского языка. Наиболее авторитетными и распространенными в татарских медресе учебными пособиями были «Анмузадж» — грамматико-лексикографическое произведение знаменитого Махмуда Замахшари (1075—1144) и «Кафия» Ибн ал-Хаджиба (ум. 1249 г.) о строении стиха. К ним нужно было изучить примерно десять толкований. Когда шакирды достигали «Кафии», в программу включались книги по мусульманскому праву (*фикх*), стихосложению (*гильм аруз*) и ведению диспутов (*муназара*). Как правило, это был «Мухтасар ал-викая» Губайдуллы

Садр аш-Шария (ум. в 1344 г.) — краткий курс по мусульманскому праву, являвшийся сокращенным вариантом объемного юридического свода. К нему прилагались комментарии «Джами ар-румуз», «Шархи викая» и др.

Следующая ступень — изучение логики (*мантык*). Основные учебники — «Исагуджи» Хасана ал-Кати (ум. в 1358 г.) с комментариями «Шарх-и Исагуджи» Джамалутдина ас-Суюти (ум. в 1505 г.) и «Шамсия» с комментариями «Шархи шамсия», «Хашия-и Кутби». Затем приступали к толкованию догматов ислама (*калам*). Главные пособия — «Гакаид» Нажмеддина Абу Хафса Умара Насафи (1068—1142) с комментариями Сагдуддина Тафтазани (1322—1389) «Шарх гакаид ан-Насафи». Многочисленные толкования к ним изучались шакирдами самостоятельно. Дальнейшее изучение логики осуществлялось по сочинению Тафтазани «Тахзиб» со множеством комментариев, главным из которых был «Шархи Тахзиб» Джалаледдина Даввани (1426—1501). Одновременно продолжалось изучение фикха по «Шарх ал-викая», состоявшего из двух разделов: «Викаят ар-риваят» Махмуда Тадж аш-Шария и комментариев на него Убайдуллы ибн Масгуда Садр аш-Шария (ум. в 1346 г.) «Шархи Викаят ар-риваят».

Затем ученики приступали к изучению «Хикмат ал-гайн» Нажмеддина Умара ал-Катиби (ум. в 1276 г.). Следующим учебником по каламу был «Гакаид ал-Газдия» Гизеддина ал-Иджи (ум. в 1355 г.) с комментариями Джалаледдина Даввани «Мулла Джалал», на который, в свою очередь, имелись толкование Ханакахи и комментарии «Татимма», «Хашияи Калам» и множество других. К этим основным учебникам мог быть добавлен ряд второстепенных книг по предметам, относящимся к «арабия» — риторике, правилам благозвучия слов, построению речи и т.д. После ознакомления с этими книгами наступала очередь третьего большого пособия по фикху — «Хидая» крупного законоведа Бурханеддина Али Марги-

нани (ум. в 1197 г.) с комментариями и толкованиями к нему «Кифая», «Нихая», «Фатх ал-Кадир» и др. Параллельно вводилось изучение основ фикха по книге «Танких ал-усул» Садр аш-Шария с его же толкованием «Таузих ал-усул», ряда комментариев Тафтазани и др.

На последнем этапе вводилось изучение *хадисов* – речений пророка Мухаммада и преданий из его жизни. Основным источником служил «Мишкат аш-шариф», толкование к нему имело название «Миркат». Особое место занимала так называемая наука о разделе наследства – «*Гильме фараиз*», по сути один из разделов фикха, выделенный в самостоятельный предмет. Параллельно изучались правила чтения Корана – «*Гильме кират*», арифметика – «*Гильме хисаб*». Завершался курс медресе изучением толкования Корана по пособию «Тафсир» Байдави Насреддина Абдаллаха ибн Умара (ум. в 1286 г.) со множественством комментариев.

В общей сложности курс мог включать в себя более сотни книг довольно крупных знатоков в самых различных областях исламских наук, живших и творивших в основном в XI–XV вв. Полный курс обучения в медресе не имел какого-либо определенного срока: «Учащиеся живут и учатся в медресе до тех пор, пока учитель или сами они не сочтут себя достаточно усвоившими курс мусульманских наук, десять или более лет» [РГИА, ф.821, оп.150, д.420, л.13].

Конечно, систематическое изучение этих схоластических наук требовало много времени, и шакирды, как правило, заканчивали учебу и занимали должность муллы в тридцать-тридцать пять лет. Но так долго пребывать в медресе могли себе позволить немногие. Особо необходимым считалось изучение морфологии и синтаксиса арабского языка, логики, калама, законоведения и основ шариата. Поэтому многие шакирды, одолев эти пять-шесть курсов, считали себя вполне готовыми к духовной деятельности. Это подтверждал и Габдулла Буби, в 1870–1880-х гг. обучав-

шийся в медресе своего отца: «...многие шакирды не достигали и половины обучения или даже не продвигались дальше введения» [Бубый, л.18]. Значительное число шакирдов выходили из медресе, проучившись 5–6 лет. Так, в 1896 г. из 200 учащихся медресе первой мечети Стерлитамака 63 (31,5 %) обучались первый год, 32 (16%) – второй, 30 (15%) – третий, 23 (11,5%) – четвертый, 26 (13%) – пятый, 16 (8%) – шестой, 6 (3%) – седьмой и 4 (2%) – свыше 7 лет [Фархшатов, 1994, с.70]. Таким образом, 9 из 10 начавших учиться в медресе шакирдов отсеивались в первые 5 лет.

Традиционно используемый в медресе метод обучения был следующим: «Взяв книгу по какой-либо отрасли наук, составленную несколько столетий тому назад и почти всегда на арабском языке, мударрис перед своей аудиторией, сидящей перед ним полукругом на коленях, переводит арабский текст и приводит всевозможные на текст комментарии, заимствованные из таких же стародавних книг. Ни самостоятельно-го личного взгляда, ни разработки вопросов в ином, чем в комментариях, духе не допускается» [Ахмеров, 1897, с.77].

Дж.Валиди так описывал процесс обучения в медресе: «В каждом медресе имелось по несколько хальф, каждый из которых имел своих учеников, принадлежавших только ему. ... Хальфа давал уроки следующим образом: приглашал к себе в определенное время всех учеников одной ступени, сначала спрашивал он их прежние уроки. ... Потом начиналось преподавание нового урока, и тогда уже должны были присутствовать и ученики старших ступеней, с целью повторения своих предшествующих уроков или в силу их обязанности помогать своим младшим товарищам в заучивании уроков» [Валидов, 1998, с.38].

Мударрис же давал уроки для старших шакирдов. «На его лекциях присутствовали ученики всех хальф; он не спрашивал учеников и редко проверял их. Один из слушателей читал текст книги, через несколько слов (а иногда даже на каждом слове) мударрис пре-

рывал его и начинал чинно объяснять смысл прочитанного и при этом иногда так сильно вдохновлялся, что по поводу одного только слова прочитывал целую лекцию. ... Слушатели имели право прерывать лекцию и возражать против чего-нибудь мударрису; на это возражение должен был отвечать другой слушатель; но возражавший не удовлетворялся его ответом и возражал снова. Таким образом начиналось учебное состязание, в которое вмешивались и другие шакирды, причем никто из них не слушал своего противника, все перебывало с разных сторон друг друга, и в конце концов получался такой хаос... «Но будет вам, — раздавался в это время властный голос мударриса, — будет вам, безумцы, что же вы на самом деле, с ума сошли, что ли», — говорил он, чувствуя при этом полное внутреннее удовлетворение от того, что его шакирды умеют, когда нужно, себя показать» [Валидов, 1998, с.39].

Так шакирды переносились «в сферу высших понятий», и ученик «чувствовал себя способным разрешать вопросы знания и бытия и сознавал, хотя и смутно, значение этих вопросов». Диспуты, хотя и были схоластическими, вырабатывали у шакирдов умение логически мыслить, аргументированно излагать свои мысли, т.е. требовали «полного напряжения умственных способностей». Мелочность же рассуждений схоластической философии «не могла не содействовать развитию силы критического анализа, а богатство всевозможных научно-философских понятий давало возможность более или менее свободно оперировать в области отвлеченной мысли» [Валидов, 1998, с.42]. Диспуты-состязания «*муназара*» устраивались и между шакирдами разных хальф или даже разных медресе.

Если в эпоху возрождения системы образования большинство медресе создавалось татарами, получившими образование в мусульманских странах на чужбине, то в середине и второй половине XIX в. все чаще основателями и

руководителями медресе становились выпускники собственно татарских медресе. При этом объем преподаваемых предметов был примерно одинаков. Известны были медресе под именем своего руководителя-наставника. Если мударрис оказывался способным учителем, умевшим заинтересовать своих учеников учебной, выработать у них стойкое стремление к знаниям, его слава быстро распространялась, что приводило к росту числа его учеников, которые стекались к нему отовсюду. Так обстояли дела и в сельских, и в городских медресе. Естественно, славились те медресе, чьи руководители — мударрисы серьезно относились к делу обучения юношества.

К числу таких руководителей принадлежал и Шигабуди́н Марджани, обучавшийся в Бухаре и создавший в Казани свое медресе. «Марджани обучал очень старательно, придавая большое значение урокам, много времени проводил в медресе», — отмечал его биограф Ш.Шараф [Мәржани, 2010, б.94].

К ним относился и Габдулгаллям Нигматуллин, получивший образование в местных медресе и в 1857 г. воссоздавший медресе в деревне Иж-Буби Сарапульского уезда Вятской губ. «В то время, как шакирды многих медресе вынуждены были довольствоваться одним уроком в два-три дня или даже в неделю, наш отец не лишал шакирдов своих ежедневных уроков, — подчеркивал его сын Габдулла Буби. — Сам ни по какой причине не пропускал пяти-временный намаз в мечети, но никогда не принуждал шакирдов и даже нас (сыновей) посещать мечеть. Занимался уроками с утра с половины девятого до двенадцати, после обеда с двух до пяти, а зимой, когда дни были коротки, заходил в медресе после вечернего намаза и занимался с шакирдами часов до девяти-десяти» [Бубый, л.18].

Сравнение предметов (книг), изучаемых в казанском медресе Ш. Марджани и сельском медресе Габдулгаллям-хазрата, работавших в одно и то же время — в 1850–1880-х гг., выявляет

Программы медресе Буби и Марджани

Названия предметов	Учебники, использовавшиеся в медресе Буби	Учебники, использовавшиеся в медресе Марджани
Араб. морфология	Бидан, Шархе Габдулла	Шархе Мелла
Синтаксис	Кавагид, Гавамил, Анмузадж, Мулла Джами	Кафия
Логика	Исагуджи, Шамсия Мирсаид, Суллям кази	Шамсия, Шархе Тахзиб-ал мангыйк, Суллям-ал голум
Калам	Гакаид, Мулла Джалял, Ахун Юсуф	Мулла Джалял, Тахзиб-ал калам, Шархе Гакаид Насафи
Красноречие	Талхис	Талхис
Законоведение	Мухтасар, Хидая	Мухтасар-ал викая, Хидая
Основы шариата	Зубдат ал-асрар, Таузих, Талвих	Таузих
Этика	Гайн-ул гильм, Тарикаи Мухамадия	Гайн-ул гильм, Тарикаи Мухамадия
Хадис	Мишкат ал-масабих, Сахих ал-Бухари	Мишкат ал-масабих
Древняя философия		Хикмат-ал гайн
Тафсир	Казий Байзави	
Правила наследования	Сиразия	Фараиз
Счет	Холясат ал-хисаб	

схожесть изучаемых предметов в этих медресе [Махмутова, 2003, с.40].

Несмотря на некоторые различия в названиях, можно утверждать, что в обоих медресе использовались одни и те же книги (например, «Шархе Габдулла» и «Шархе Мелла», «Суллям кази» и «Суллям ал-голум» и т.д.). Названия учебников показывают, что в этих медресе использовались достаточно авторитетные и широко распространенные в татарских медресе книги средневековых авторов. Оба хазрата, как это было во всех медресе того времени, придерживались традиционного обучения, которое, бесспорно, носило схоластический характер. Общественное сознание татар, пребывавшее в рамках мусульманских традиций, не допускало покушений на ее основы. Даже хорошо понимавший необходимость преобразования татарских медресе Ш.Марджани не мог преодолеть сопротивление как шакирдов, так и общества. Ш.Шараф с огорчением отмечал: «Почему-то Марджани-хазрат, раскритиковав методы обучения в Бухаре и показав пути их преобразо-

вания, в том числе написав специальные книги об этом, не упорядочил свое медресе и свои уроки» [Мәржани, 2010, б.112–113].

Правда, далее он пояснял: «Марджани-хазрат сам очень беспокоился, что его мысли о необходимости изменений остаются без внимания, что у него очень мало помощников в осуществлении его идей. Сетую иногда: «Стараясь быть как все медресе – Кышкар, буинское, казанские – [шакирды и хальфы. – А.М.] уничтожили мое медресе. Разрушились все планы относительно уроков, обдуманные еще в Бухаре. Проводят жизнь попусту. Не учат необходимое. Но что делать, это время такое. А из этих [схоластических наук. – А.М.] – ничему бы не обучал», – ясно объяснял свое недовольство порядками в обучении. Но как бы ни был недоволен, обучал так, как вынуждало время» [Мәржани, 2010, б.115].

Прогрессивно настроенные мударисы и их помощники-учителя (хальфы и мугаллимы) все яснее осознавали необходимость перемен, не могли при-

мириться с господством схоластики. Особенно прославились в этом отношении самое богатое и благоустроенное Стерлибашевское медресе в Уфимской губ. Для этого медресе были построены новые здания, число которых в середине 60-х гг. достигло 25. Был разбит сад, проведен водопровод, имелась богатая библиотека. Его мударрисы Харис (1810–1870) и Харрас (1814–1871) Биктимировы (Тукаевы), а затем сын Хариса Хабибулла Тукаев (1856–1897) имели основательное богословское образование, владели восточными языками, интересовались поэзией, литературой [Мәржани, 1989, с.254; Тукаев, 1899, с.8–9]. Они не только поддерживали высокий по тем временам стандарт образования, но и вводили в процесс обучения некоторые изменения. Так, уже в 1869 г. Харис-хазрат ввел в учебный курс преподавание русского языка. Он считал, что «знание русского языка, являющегося государственным, для российских мусульман обязательно» [Фәхрединев, 1909, б.506].

Миссионер Н.И.Ильминский, заметив большую популярность среди мусульман Стерлибашевского медресе, сообщал обер-прокурору св. Синода К.П.Победоносцеву: «Стерлибашевское медресе, как сильный подземный корень, дает опору и силу различным магометанским движениям» [Письма..., 1895, с.142]. Посетивший это медресе в начале XX в. будущий академик В.В.Бартольд назвал его «одним из живых центров мусульманской науки в России» [Фархшатов, 1994, с.59].

Тукаевы привлекали к работе в своем медресе талантливых, высокообразованных преподавателей. Здесь успешно работали талантливые поэты Ш.Заки (1825–1865) и Г.Чокрый (1826–1889). Сюда же был приглашен и брат Габделгалляма Нигматуллина Габдулла-хазрат (1838–1884), после получения образования в медресе брата совершенствовавший свои знания в течение семи лет в Стамбуле, Хиджазе, Бейруте, Каире, где уже разворачивалась рефор-

ма системы мусульманского образования. Слушать его лекции собирались не только шакирды, но и все хальфы медресе и даже сыновья Тукаевых. Видимо, к этому времени Габдулла-хазрат уже критически относился к традиционной системе образования у татар и по мере своих возможностей стремился улучшить ее.

Вот что сообщал Г.Буби о взглядах Габдуллы-хазрата и предметах, которые он преподавал в медресе: «В Стерлибаше он старался обучать даже географии, предмету, который тогда среди наших татарских дамелла никто не только не преподавал, но даже и названия этого никогда не слышал. Кроме того, он не стал обучать морфологии и синтаксису арабского языка посредством персидского языка, как это было принято во всех медресе, а *обучал по-татарски*, тем самым сделав большой шаг на пути реформы обучения арабскому языку. Книга дяди Габдуллы по морфологии и синтаксису арабского языка, написанная на татарском, и сейчас лежит передо мной. Правда, она не похожа на книги, написанные ныне. Но какое дело может быть совершенно верным в самом начале? Ни один воспитанный человек никогда не согласится назвать незначительным, не требующим большого мужества делом обучение арабской морфологии и синтаксису по-татарски во время, когда татарские муллы называли географию запретной, письмо по-татарски считали очень большой провинностью, а обучение арабской грамматике по-персидски обязательным для всех. ... Помню дядю Габдуллу: он был крупным, с большой бородой, очень мягкий и с очень терпеливым характером. Когда приезжал к нам в гости, никогда не выпускал из рук книг или карандаша, всегда листал книги, писал» [Бубый, л.6–7]. После себя Габдулла-хазрат оставил и семь написанных, но неизданных книг, среди которых были несколько комментариев к книгам по богословию, полные правила арабской грамматики и араб-

ский синтаксис на татарском языке [Махмутова, 2003, с.42–45].

В целом можно сказать, что не только в Казанской, Оренбургской или Уфимской губерниях, но и в каждом регионе, где компактно проживали татары-мусульмане, были свои знаменитые медресе. Они, как правило, открывались по инициативе подвижников просвещения, наиболее образованных мулл, получавших учено-преподавательское звание мударриса в ОМДС. Возьмем для примера медресе г.Касимова Рязанской губ. Основано оно было в 1808 г. по инициативе имам-хатыба Ханской мечети Абдулвахита Исмагиловича Давликамова (?–1855) при финансовой поддержке богатых прихожан Шакуловых, Максудовых, Давлеткильдеевых и др. Существование медресе было благополучным и долговременным благодаря финансовой поддержке касимовских купцов и деятельности династии имамов и мударрисов Давликамовых, более столетия руководивших этим учебным заведением. Особенно успешно медресе работало при Фазлулле Абдулвахитовиче Давликамове (?–1866), который стал вторым имамом и мударрисом в 1827 г.

В 1847 г. в медресе было три отделения: в первом – тюркском – азбуке, основам веры, Корану и шариату обучалось 27 человек; во втором – арабском – 23 шакирда изучали науки, связанные с арабским языком; в третьем, носившем название «персидское», изучались история ислама, история пророков, толкование Корана, география и другие предметы (здесь было всего 6 учеников). Малочисленность учащихся объяснялась, видимо, и тем, что при первых Давликамовых медресе располагалось в их собственном доме. Тем не менее медресе получило широкую известность не только в Касимове, но и в губерниях Центральной России. Большинство шакирдов составляли выходцы из татарских сел Московской,

Рязанской, Тамбовской, Пензенской и Симбирской губерний.

В 1860-х гг. попечителем медресе стал купец 2-й гильдии Сайфулла Мурсалимович Кастров, построивший для него специальное здание. И в дальнейшем Кастровы продолжали содержать медресе, взяли на себя все заботы о приходе Ханской мечети. И на рубеже XIX–XX вв. Давликамовы продолжали сохранять верность ортодоксальным традициям касимовской богословской школы, не поддаваясь новым веяниям [Салихов, 2006, с.171–175].

К концу XIX в. мулл, осознавших необходимость перемен, было уже немало. Часть из них объединяло критическое отношение к школьной схоластике, идущей из Бухары, что явилось отражением изменения их мировоззрения под влиянием социально-экономических перемен в пореформенной России, распространения рационалистически-просветительских идей Г.Курсави, Г.Утыз Имяни, Ш.Марджани, К.Насыри, Х.Фаизханова и под воздействием перемен, начавшихся в исламском мире. «Священная» Бухара перестала быть для них символом образованности. Посетивший в 1881 г. Казанскую, Оренбургскую и Уфимскую губернии сенатор М.Е.Ковалевский отмечал: «Среди здешних мусульман... Бухара утратила свое обаяние, уступив место Константинополю, а в особенности Каиру» [РГИА, ф.821, оп.6, д.785, л.5 об.].

Для последователей татарских просветителей были характерны стремление расширить традиционную учебную программу мусульманских школ, начитанность, любовь к классической восточной литературе, истории и философии. Слава о них не распространялась далеко за пределы их региона, однако они явились предшественниками будущего поколения реформаторов, подготовили почву для их появления, но самое главное, – создали условия для их становления.

Список источников и литературы

- НА РТ, ф.977, оп.Совет, д.318.
 НА РТ, ф.160, д.33.
 НА РТ, ф.92, оп. 1, д.19380, л.22, 34–35, 40 об.
 НА РТ, ф.92, оп. 1, д.10464, л. 17.
 РГИА, ф.733, оп.170, д.263, л.303 об.
 РГИА, ф.733, оп.173, д.102, л.234.
 РГИА, ф.821, оп.150, д.420, л.13.
 РГИА, ф.821, оп.150, д.420, л.9 об.
 РГИА, ф.821, оп.6, д.785, л.5.
 РГИА, ф.821, оп.8, д.785, л.5 об.
 РГИА, ф.821, оп.8, д.801, л.45 об.
 РГИА, ф.821, оп.8, дд.1093, 1101, 1106, 1110, 1115, 1118, 1122, 1132.
- Ахмеров, 1897* – Ахмеров Ш. Казанское мусульманство // Городской и сельский учитель. – Казань, 1897. – Вып. 2.
- Бикколов – Бикколов К. Яңа Тинчәле авылы тарихы* // ОРПК НБ КГУ, т2452.
- Бобровников, 1913* – Бобровников Н. Русско-туземные училища, мектебы и медресе в Средней Азии // ЖМНП. – 1913. – № 6.
- Бубый – Бубый Г. Бубый мәдрәсәсенен кыска тарихы. Бубый-Сарапул-Голжа-Бубый: 1913–1918* // ОРПК НБ К(П)ФУ, № 207 т.
- Валидов, 1998* – Валидов Дж. Очерк истории образованности и литературы волжских татар (до революции 1917 г.). – Казань: Иман, 1998.
- Вестник, 1811* – Вестник Европы, 1811, ноябрь, № 21.
- Загидуллин, 2008* – Загидуллин И.К. Ш.Марджани о некоторых аспектах религиозного уклада татар в Среднем Поволжье // Шигабутдин Марджани: наследие и современность: Сб. статей. – Казань: Алма-лит, 2008. – С.159–169.
- Ислаев, 1999* – Ислаев Ф.Г. Православные миссионеры в Поволжье. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1999.
- История, 1937* – История Татарии в материалах и документах. – М.: Соцэкгиз, 1937.
- Коблов, 1916* – Коблов Я.Д. Конфессиональные школы казанских татар. – Казань, 1916.
- Махмутова, 1982* – Махмутова А.Х. Становление светского образования у татар (Борьба вокруг школьного вопроса. 1861–1917). – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1982.
- Махмутова, 2003* – Махмутова А.Х. Лишь тебе, народ, служенье! (История татарского просветительства в судьбах династии Нигматуллиных-Буби). – Казань: Магариф, 2003.
- Медресе, 2007* – Медресе г. Казани XIX – нач. XX веков: Сб. документов и материалов. – Казань: Гасыр, 2007.
- Мәрҗани, 1989* – Мәрҗани Ш. Мөстәфадел-әхбар фи әхвали Казан вә Болгар. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1989.
- Мәрҗани, 2010* – Мәрҗани: Фәнни-популяр җыентык. – Казан: Жыен, 2010.
- Мухаметшин, 2005* – Мухаметшин Р.М. Ислам в общественной и политической жизни татар и Татарстана в XX веке. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2005.
- Письма, 1895* – Письма Николая Ивановича Ильминского к обер-прокурору св. Синода Константину Петровичу Победоносцеву. – Казань, 1895.
- Салихов, 2006* – Салихов Р. Из истории мусульманских приходов города Касимова // Мечети в духовной культуре татарского народа (XVIII в. – 1917 г.): Материалы Всерос. науч.-практ. конф. – Казань, 2006.
- Татар..., 1984* – Татар әдәбияты тарихы: 6 томда. Т.1. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1984.
- Тукаев, 1899* – Тукаев М.-Ш. Тарихы-Эстәрлебаш. – Казан, 1899.
- Усманов, 1980* – Усманов М. Заветная мечта Хусаина Фаизханова. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1980.
- Фархшатов, 1994* – Фархшатов М.Н. Народное образование в Башкирии в пореформенный период в 60–90-е годы XIX века. – М.: Наука, 1994.

- Фәхрәддин, 2006* – Фәхрәддин Р. Асар. Т. 1. – Казан: Рухият, 2006.
Фәхрәддинев, 1909 – Фәхрәддинев Р. Асар. Ж.15. – Оренбург, 1909.
Фәхрәтдинов, 1993 – Фәхрәтдинов Р. Болгар вә Казан төрекләре. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1993.
Фукс, 2005 – Карл Фукс о Казани, Казанском крае: Научно-биографический сборник. – Казань: Жиен, 2005.
Хабутдинов, 2008 – Хабутдинов А.Ю. От общины к нации: татары на пути от средневековья к Новому времени (конец XVIII – начало XX вв.). – Казань: Татар. кн. изд-во, 2008.
Хабутдинов, 2009 – Хабутдинов А.Ю. Округ Оренбургского Магометанского Духовного собрания: роль медресе как общенационального института // Проблемы становления и развития мусульманского образования на постсоветском пространстве: Сб. статей. – Н. Новгород; М.: Изд. дом «Медина», 2009. – С.34–60.
Ханыков, 1887 – Ханыков Н.В. Описание Бухарского ханства. – СПб., 1887.
Хронологический..., 2000 – Хронологический перечень законодательных актов о татарах Среднего Поволжья и Приуралья второй половины XVI–XVIII веков / Сост. А.Ногманов // Гасырлар авазы – Эхо веков. Казань: 2000. – № 1/2. – С. 315–319.
Шиһабетдин, 1998 – Шиһабетдин Мәржани. – Элмәт: Рухият, 1998.

Список сокращений

- ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения.
 НА РГ – Национальный архив Республики Татарстан.
 РГИА – Российский государственный исторический архив.
 ОМДС – Оренбургское магометанское духовное собрание.
 ОРРК НБ К(П)ФУ – отдел редких книг и рукописей научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского (Приволжского) федерального университета.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Таблица составлена по: РГИА, ф.821, оп.8, д.1101, л.2–5; д.1106, л.2–6; д.1110, л.3–5; д.1115, л.2–5; д.1118, л.2–7; д.1122, л.2–7; д.1132, л.2–4.

² Далее описание предметов и способов обучения в медресе дано по: *Ахмеров Ш.* Казанское мусульманство // Городской и сельский учитель. – Казань, 1897. Вып. 2; *Валидов Дж.* Очерк истории образованности и литературы волжских татар (до революции 1917 г.). – Казань: Иман, 1998; *Коблов Я.Д.* Конфессиональные школы казанских татар. – Казань, 1916; *Ханыков Н.В.* Описание Бухарского ханства. – СПб., 1887; Медресе г. Казани XIX – нач. XX веков: Сб. документов и материалов. – Казань: Гасыр, 2007 и др.

Аннотация

В статье рассматриваются предпосылки становления и основные тенденции развития в конце XVIII – начале XX вв. системы конфессионального образования у татар-мусульман в Волго-Уральском регионе, характеризуются основные его институты в лице традиционных мусульманских учебных заведений, мектебе и медресе, мугаллимов и мударрисов, махаллей, дается динамика их численности, анализируются учебные дисциплины, программы обучения, сопоставляются учебные программы медресе Буби и Марджани, освещается деятельность крупнейших медресе – центров подготовки духовенства – и авторитетных заведующих и преподавателей видных преподавателей медресе. Констатируется, что если в эпоху возрождения системы образования большинство медресе создавалось татарами, получившими образование в мусульманских странах на чужбине, то в середине и второй половине XIX в. все чаще основателями и руководителями медресе становились выпускники собственно татарских медресе.

Ключевые слова: традиционные мусульманские учебные заведения Волго-Уральского региона, мектебы и медресе, система образования татар-мусульман, мударрис, мугаллим.

Summary

The article deals with the preconditions of formation and the main tendencies in the development of the system of confessional education among the Tatars-Moslems in the Volga Ural region at the end of the XVIII – the beginning of the XX century. Its main institutions particularly traditional Moslem educational establishments, mektebe, medrese, mugallims, mudarrises, mahallas are characterized and the dynamics of their quantity is given, moreover subjects, programmes of training are analyzed, curricula of Bubi and Marjani medreses are compared, the activity of the largest medreses (centres of clergy training) as well as the activity of authoritative governors and medrese's outstanding teachers is described. It is ascertained that if in the epoch of renaissance of educational system the majority of medreses was created by the Tatars who got education in Moslem countries, then in the middle and in the second half of the XIX century founders and heads of medrese were mainly graduates of Tatar medrese.

Key words: traditional Moslem educational establishments of the Volga Ural region, mektebe, medrese, the system of education of the Tatars-Moslems, mugallim, mudarris.